

DOI: 10.17805/zpu.2016.4.7

Моральное совершенствование и биотехнологическое улучшение*

О. В. ПОПОВА

(Институт философии Российской академии наук)

В статье проведен сравнительный анализ таких феноменов, как моральное совершенство (совершенствование) и биотехнологическое улучшение. Современная историческая ситуация характеризуется мощным прогрессом в развитии биотехнологий, которые помимо решения традиционных задач в медицине, промышленности и сельском хозяйстве, все чаще выступают в качестве фактора преобразования самого человека, вторгаются в интимные механизмы его жизнедеятельности. Одновременно происходит технологическое улучшение самого человека: он получает все больше возможностей не только исправлять ошибки природы (принимать терапевтические меры в случае болезни), но и улучшать (усиливать) свои интеллектуальные, физические способности и, предположительно, моральные качества.

Показано существенное отличие общих характеристик феноменов морального совершенствования и биотехнологического улучшения. Если моральное совершенствование человека основывается на внутренней потребности субъекта в бесконечном процессе нравственного самопреобразования и осуществляется его внутренними усилиями, то биотехнологическое улучшение реализуется в системе внешних координат и невозможно без использования физически представимых средств улучшения (когнитивных усилителей, генетического допинга, электростимуляции мозга и т. д.). В основе аргументации апологетов биотехнологического улучшения человека и их оппонентов лежат базовые мировоззренческие предпосылки, связанные с диаметрально противоположными подходами к пониманию человеческой природы. В зависимости от того, рассматривается ли она в качестве сырья (что характерно для технократов) или реальности, обладающей ценностью и являющейся нормативным руководством для осуществления тех или иных манипуляций над человеком, будет обеспечиваться легитимность биотехнологических практик улучшения человека или накладываться ограничения на их развитие.

Ключевые слова: биотехнологическое улучшение; перфекционизм; моральное совершенство; усовершенствование человека; биотехнологии; проблемы этики.

ВВЕДЕНИЕ

Современная историческая ситуация характеризуется мощным прогрессом в развитии биотехнологий, которые помимо решения традиционных задач в медицине (например, разработка средств борьбы с заболеваниями), промышленности (использование микроорганизмов для производства полезных продуктов) и сельском хозяйстве, все чаще выступают в качестве фактора преобразования самого человека. Технологии «обволакивают человека» (Юдин, 2006: 3), вторгаются в интимные механизмы его жизнедеятельности, опосредуя отношения между людьми и осуществляя социальный контроль, при этом они сами гуманизируются, постепенно приобретая человеческие черты, становясь искусственными «партнерами» человека в различных сферах жизни.

Одновременно происходит технологическое улучшение самого человека: он получает все больше возможностей не только исправлять ошибки природы (принимать те-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ (грант №15-03-00818 «Человек как артефакт биотехнологий: междисциплинарное исследование нормативных оснований проблемы усовершенствования человека»).

The article was prepared with financial support from Russian Foundation for the Humanities (grant No 15-03-00818 «The Human as an artifact of biotechnologies: an interdisciplinary study of normative grounds of the problem of human enhancement»).

рапевтические меры в случае болезни), но и улучшать (усиливать) свои моральные, интеллектуальные и физические способности. Активно реализующиеся в настоящее время проекты биотехнологического улучшения человека (*human bioenhancement*) многими исследователями рассматриваются как первые многообещающие шаги на пути реализации трансгуманистических проектов конструирования совершенного в моральном, физическом и интеллектуальном смысле постчеловека.

При этом происходит взаимопереплетение целей и средств подобного улучшения человека. Человеку стремятся не просто улучшить физические способности, но способствовать улучшению его социального статуса, развитию профессионализма, успешной адаптации в обществе и в целом повысить его моральные качества. Как справедливо отмечает Т. Мюррей (Th. Murray), родители, которые дают гормон роста своим детям, не просто модифицируют их физические качества, «высота сама по себе не является конечной целью. Целью становится повышение вероятности того, что хорошая и полноценная жизнь ребенка не будет омрачена дискриминацией или неоправданной трудностью навигации по миру. Это не тривиальные заботы для родителей, которые хотят подготовить своего ребенка к взрослой жизни» (Murray, 2009: 492). Развитие биотехнологий способствовало формированию взаимозависимости между физическим, интеллектуальным и моральным улучшением. Смешение этих феноменов стало возможным в свете редукционистских представлений о человеке как машине, ремонтпригодной системе, функционирование которой в любых локусах социальной жизни можно улучшить технологическим путем. В попытке прояснить, что может остаться за бортом технологического перфекционизма, попытаюсь остановиться на сравнительном анализе практик морального совершенствования человека и его биотехнологического улучшения.

МОРАЛЬНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на парадоксы совершенствования, исследованные польским философом В. Татаркевичем (Татаркевич, 1981: 344–349). Согласно одному из них, «наивысшим совершенством является несовершенство», согласно второму, «совершенство есть знание человека о его несовершенстве» (там же). Первый парадокс связан с необходимостью и оправданностью «бесконечной перспективы на улучшение» (Прокофьев, 2006: 59), несмотря на то что коннотации понятия совершенства отсылают к завершенности, законченности, полноте. Как объясняет данный парадокс А. В. Прокофьев, «в динамике морального сознания, которая определяется идеей принципиальной недостижимости нравственного идеала, находят свое законное место оба описанных выше парадокса совершенствования. То, что требует от нас мораль по отношению к другому человеку, легко превращается в вечно удаляющийся горизонт, приближение к которому требует потенциально бесконечного процесса самопреобразования. И даже если поведенческий минимум, заданный требованиями морали, можно представить себе выполненным, то работа над собственным характером и эмоциональными диспозициями не может закончиться никогда. Отсюда вполне логично следует вывод о том, что даже самый продвинутый в нравственном отношении индивид должен воспринимать свой характер и свое поведение как проявление морального несовершенства» (там же).

Человека можно исследовать и постигать исходя из различных перспектив. И этическая перспектива является одной из тех, которые исторически рассматривались в качестве наиболее важных для демонстрации аутентичности человеческого бытия.

Она позволяла выделить в человеке человеческое, закрепив в нем сущностные характеристики, связанные с превосходением самого себя, устремлением к высшему благу (совершенству). Моральное совершенствование неизбежно предполагает автономную стратегию самопреобразования, качество, которое существенно отличает его от многих других видов человеческой деятельности, предполагающих, например, выполнение социальных функций под воздействием различного рода внешних детерминант: «Если продвижение к совершенству навязано извне или является результатом автоматического, рутинизированного воспроизведения поведенческих образцов, то оно теряет свое качество, превращается в нонсенс» (там же). Моральное совершенство не должно навязываться извне, оно является результатом внутренней работы по преобразованию самого себя, своего рода «заботы о себе»: «В сфере самосовершенствования человек необходимо возвышается над повседневностью, внутренне освобождается от зависимостей (материальных, социальных, психических). И хотя по своим непосредственным предписаниям мораль может и совпадать с некоторыми из внешних принудительных факторов, она недвусмысленно аннулирует их субъективную значимость» (там же).

В развивающихся сейчас интенциях, направленных на разработку биотехнологических методов морального усовершенствования человека, автономное самосовершенствование редуцируется до механистического восприятия себя как плохо работающей биологической машины, которую необходимо починить, свобода самосовершенствования превращается в добровольное согласие на совершение этой починки, то есть осуществление биомедицинских манипуляций относительно человеческого тела, которые с необходимостью вызовут благоприятные и поддерживаемые индивидом социальные эффекты (например, он будет более спокойным, а значит, менее агрессивным, или будет склонным к большей эмпатии или проявлять склонность к большему социальному взаимодействию и т. д.).

Отличие морального перфекционизма в классическом смысле от биотехнологического перфекционизма будет состоять в различии путей (способов достижения цели и используемых для этого инструментов) и в конечном эффекте, результате каждого из них. И если биотехнологический перфекционизм будет направлен на максимизацию пользы, то перфекционизм моральный максимизирует объективное качество личности (там же: 60).

Итак, моральное совершенствование предполагает преодоление собственной личности, подразумевает усилия, направленные на ее максимизацию, проявления ее потенциальных свойств в наиболее полном, завершенном виде. И этот путь преодоления невозможен без постоянной актуализации преодоления человеческого тела, без своего рода борьбы с ним.

И. А. Ильин усмотрел фундаментальную противоречивость, парадоксальную двусторонность морали. Именно борьба с чувственностью как атрибутивным признаком телесности составляет сущность классического понимания морали. Но это значит, что «состояние гармонии, если бы оно осуществилось, положило бы конец моральному подвигу, преодолевающему чувственность. Поэтому, если моральное сознание последовательно, оно должно признать, что посвящает свои силы упразднению морали, преодолению ее. Там, где кончается борьба с «чувственностью», морали нечего делать. И вот, испуганное перспективой самоуничтожения, моральное сознание спешит отодвинуть это достижение в эмпирическую бесконечность, в «туманную даль», где ничего нельзя различить с точностью, в абсолютно недостижимую потусторонность...

чем более совершенна душа, тем менее она моральна» (Ильин, 1994: 336). По отношению к морали чувственность раскрывается в своей двуликости: сдерживание ее порывов обеспечивает рождение и рост морального сознания индивида, и наряду с этим чувственность есть главный враг морали, грозящий ей уничтожением при достижении предела контроля над телесным.

Итак, моральное сознание с неизбежностью балансирует между двумя полюсами — полюсом воплощенного идеала морального совершенства, святости, на котором полностью подавлены чувственные порывы, и полюсом полного подчинения природному, телесному порядку, где соответственно приходится отказываться от координирующей и властной ипостаси разума. В этом последнем случае субъект исчезает, равняясь по онтологическому статусу с животными, его существование приходится исключать из-под воздействия моральных и юридических норм, которые обращены прежде всего к разумному существу. Мораль есть способ измерения специфически человеческого как локализованного между трансцендентным, отдавшись которому человек растворяется и теряет свою индивидуальность, и природным, которое также парадоксально забирает из человека его человеческое, переводя его существование на уровень организма, живой вещи.

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ УЛУЧШЕНИЕ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

Для исследования проблемы биотехнологического улучшения человека вновь обращусь к философским идеям В. Татаркевича, в частности, к его тезису о том, что и стремление, и достижение совершенства «требует преодоления человеческой природы» (Татаркевич, 1981: 353).

Данный тезис вызывает ряд важных вопросов. Какую природу следует преодолевать человеку? Какие способы преодоления этой природы? В чем отличие морального преодоления собственной природы и биотехнологического преодоления?

Практики морального усовершенствования неизменно концентрировались на тех или иных формах очищения человеческого духа (души) от страстей, на изгнании тленного, преходящего, вызванного сиюминутной слабостью из человеческой жизни. Стремление к совершенству и путь совершенствования всегда были сопряжены со значительными усилиями и требовали определенного героизма, уникальности мысли и поступков и в определенном смысле преодоления моральной природы человека (об этом парадоксально рассуждал процитированный выше И. А. Ильин, осуществляя интерпретацию Гегеля). Интересным в этой связи представляется комментарий А. В. Прокофьева: «Желание выйти за пределы своей родовой сущности (то есть желание преодолеть человеческую природу) неизбежно ведет к порождению чего-то предельно нового и уникального, говоря словами А. Бергсона, — «вида, состоящего из одного индивида» (Бергсон, 1994: 102). А это означает, что в динамике подлинного совершенствования каждый следующий момент выводит адепта в область абсолютно непредсказуемого, туда, где никто еще не бывал, чтобы затем оставить другим нормы и предписания по достижению совершенного состояния или созданию совершенного артефакта (Прокофьев, 2006: 61).

Существенной чертой развития современных биотехнологий является их фокусированность на человеке и своего рода телоориентированность. Они могут размещаться в человеческом теле, делать его объектом анализа и получения данных (например, медицинских), подражать ему своими внешними характеристиками (быть гуманопо-

добными), подстраиваться под физические параметры человеческого тела и т. д. Данные характеристики задают процесс «интимизации» технологической реальности, под которой подразумевается активное сближение технологий с человеческой телесностью, преодоление существующей дистанции между ними, вплоть до полного слияния (*Intimate technology ...*, 2014). Этот процесс направлен на такое овладение человеческой телесностью, которое придает ей характер инструмента для манипуляций и контроля. Очевидно, что такого рода преодоление телесности имеет мало общего с моральным совершенствованием: оно преодолевается технологически. Волевое усилие по трансформации природы принимает форму технологической рациональности, преодолевающей вслед за физической природой укорененного в ней морального субъекта.

В отношении биотехнологического улучшения речь идет о преодолении и даже уничтожении морали, поскольку объект преодоления утрачивает свой онтологический статус. Тело с его чувственными порывами, влечениями, моральной неустойчивостью исчезает, выключается другими биотехнологическими телами (технологиями, лекарственными средствами). В этой парадигме оно не является морально необходимым, поэтому всеобщая гармония требует зачастую абсолютной элиминации тела, о чем свидетельствуют высказывания большинства адептов современного трансгуманизма (*Проекты стратегического ... : Электронный ресурс*). Нравственный прогресс в этой парадигме оказывается возможен посредством переступания через человеческие тела, очищения их биотехнологическими средствами от назойливой человеческой природы, слишком оскорбительной для постгуманистического будущего, требующей замены полностью контролируемыми искусственными объектами (аватарами, информационными сетями, где будет «распыляться» человеческое сознание и т. д.). Стоит подчеркнуть, что современное общество внутренне готово к радикальной антропологической трансформации, к элиминации естественного. Во многом этому способствует обретение морфологической свободы в индустрии красоты. Удовлетворение эстетических потребностей требует смерти естественного, несовершенного тела в практиках косметической хирургии, заставляющей конструировать себя в соответствии с модой. Естественное тело отторгнуто от живущего по современным «нормальным» потребительским стандартам человека, но отторгнуто не в силу выдвижения этических или религиозных приоритетов в ценностной иерархии, предполагающей если и не «устранение», то преодоление телесного. Речь идет о жертве — естественном теле, которая кладется ради абсолютного подчинения телесности вездесущему эстетическому принципу, требующему иногда очень высокой степени аскезиса, формирующего из тела материал для творчества и в еще большей степени предмет соблазна и удовольствия.

Глобальный тренд эстетизации жизни, усиленный биотехнологической мощью современной цивилизации, проник и укрепился в различных уголках мира. Американская феминистка и писатель Ив Энцлер в художественной форме описала тенденцию переплетения обыденных форм этического и эстетического в жизни среднестатистической женщины в своей книге «Отличное тело»: «Не важно, где я нахожусь. В Тегеране женщины хирургически переделывают носы так, чтобы меньше походить на иранок. В Пекине ломают ноги и наращивают кости, чтобы быть выше. В Далласе уменьшают ступни, чтобы носить обувь Manolo Blahniks или Jimmy Choos. Я встречалась с женщинами из разных мест, и часто они особенно ненавидят какую-то конкретную деталь своего тела. Большая часть их жизни тратится на починку этой детали, ее

уменьшение. В их аптечках — препараты для модификации этой области» (Эндлер, 2007: 7). Тело современного человека окультуривают болью. «Спасая» его, приносят в жертву техникам и технологиям, получая на выходе воплощенное в плоти произведение искусства. Медицинская этика, направленная на устранение страданий пациента, конкурирует с этикой эстетического хирурга и анестезиолога, их оправдывающая и провоцирующая. Своей деятельностью они и возвышают боль, и переводят ее в сопутствующий продукт неотъемлемого от жизни современного человека коммерческого продукта — красоты, реализующий анестетический проект современной эстетики.

В современном мире возник феномен взаимной инструментализации: технологии рассматриваются как инструменты, позволяющие достичь выдвигаемых человеком целей, и в то же время сам человек, его тело становятся заложником эти целей, манипулируемыми объектами. Современные биотехнологии в этом отношении выполняют задачи, которые ранее возникали в связи с социализацией, социокультурным конструированием человеческого существования.

В процессе технологического развития обозначился континуум преемственности социокультурных и биотехнологических практик. Происходило вытеснение более действенными и эффективными практиками (техниками, технологиями) менее эффективных и сложных в своей реализации, требующих приложения значительных усилий и огромных затрат времени. И социокультурные технологии, и современные биотехнологии в процессе своего развития направлены на идеал усиления, усовершенствования человека с одновременной ориентацией на упрощение методов достижения этой цели и придания им эгалитарных черт (обеспечение равного доступа к биотехнологиям, попытка преодолеть элитарные, «аристократические» стратегии достижения идеала совершенного человека, например, через образование, интенсивные физические нагрузки, следование определенному стилю жизни).

Современные технологии способствуют порождению прецедента ускоренной социализации. Развитие технологий улучшения человека связано с достижением социально эффективных навыков и умений кратчайшим путем, минуя социальную адаптацию и игнорируя возможные кризисы самопреодоления и идентичности.

Социокультурные задачи также могут быть направлены на ускоренный путь получения результатов, но это, скорее, является периферийным, зачастую маргинальным явлением. Вспомним, например, о таких явлениях, как дедовщина или нанесение побоев в образовательных учреждениях. Сторонники этих практик указывают на наличие острой необходимости «воспитать» солдата или ученика в жестких пространственно-временных рамках. Они исторически оправдывали свои действия насильственного характера по отношению к человеку аргументом, который можно условно назвать «этикой в режиме цейтнота», то есть этикой в режиме своего рода чрезвычайной ситуации, этикой в экстраординарных обстоятельствах, когда нет времени достичь цели иным путем. Например, дедовщина в армии зачастую рассматривалась в качестве целесообразного способа достижения определенных целей, таких как создание солидарности внутри коллективов, формирование общей ценностной среды или быстрое привитие навыков физической подготовки, а также выработки беспрекословного подчинения. Фактически для экстраординарных условий существования (какими считается военная жизнь) ее легитимация была обусловлена отведенной ей ролью сложившейся в условиях службы технологии улучшения (не только физического, но прежде всего морального, способствующего усилению духа солдата, повышению его работоспособности, храбрости и т. д.).

Стоит отметить, что агрессия, присущая человеку на биологическом уровне, не только сдерживается культурой, но и провоцируется ею. Культура способна закреплять определенные формы насилия в качестве освоенных, а потому человеческих модусов бытия, способна поддерживать и транслировать в пространстве и времени идею необходимости, неизбежности и даже этичности насилия, представляя его то как способ достижения большего блага, то как одну из граней прекрасного и даже как путь к истине.

Выступая в различных пространственно-временных формах, грубых и утонченных разновидностях, насилие всегда прикрывается личиной естественности и нормальности, сублимируясь в соответствии с социально-культурными стереотипами и спецификой функционирования общественной системы. Периферийные нормы, царящие в отдельных локусах социальной жизни, исторически вытеснялись гуманистическими ценностями и выглядели в глазах многих современных людей как пережиток прошлого, как варварство, которому не должно быть места в современной жизни.

Вместе с тем развитие технологий улучшения человека вновь актуализировало уже упомянутую выше «этику в режиме цейтнота». При этом формы насилия над человеческой природой, несмотря на их очевидную модификацию, никуда не исчезли, они просто приобретают другой, не столь ярко выраженный характер. Обращу в этой связи внимание на знаменитую работу К. Исигуро «Не отпускай меня» (Исигуро, 2006). Она может стать отправным пунктом для анализа молниеносности и непродуманности решений, принимаемых в сфере технологий (см.: Попова, 2014).

Главная героиня романа К. Исигуро делится воспоминаниями о некоей школе, где в особо благоприятных условиях росли дети, призванные стать донорами. Доноры, о которых повествуется в романе, в глазах общества не являются людьми, они мертвы как социальные существа, поскольку у них не признается наличия сознания/души. Они клонированы с целью изъятия у них органов (улучшения физического состояния полноценных людей) и лишены любых других жизненных перспектив. Такие дети сталкиваются с дискриминацией, сопровождающей как факт их рождения (артефактный по своему существу), так и дальнейшее существование. В попытках разобраться со своей идентичностью и предназначением они задают вопросы и получают неожиданный комментарий: «...когда одно за другим стремительно делались великие научные открытия, у людей не было времени критически все обдумать, поднять разумные вопросы... Внезапно открылась масса новых возможностей; многие болезни, с которыми врачи до тех пор не могли бороться, стали излечимыми... И люди долго предпочитали думать, что все эти человеческие органы являются ниоткуда — ну, в лучшем случае выращиваются в каком-то вакууме... к тому времени как люди начали беспокоиться из-за... воспитанников, к тому времени как их стало интересовать, в каких условиях вас растят и следует ли производить вас на свет вообще, уже было поздно... вас постарались упрятать подальше, и люди долго делали все возможное, чтобы поменьше о вас думать. А если все-таки думали, то пытались убедить себя, что вы не такие, как мы. Что вы не люди, а раз так, ваша судьба не слишком важна» (Исигуро, 2006: 311).

В книге поднимается проблема отсутствия времени для обсуждения этических проблем развития медицинских технологий. Развитие технологий требует принятия быстрых решений. Проблему, затронутую в отрывке, можно было бы метафорически назвать проблемой Ахиллеса, устремившегося за черепахой, неожиданно для всех

приобретшей сверхскоростные характеристики. Ахиллес символизирует этическое знание, а черепаха — технический прогресс, темпы развития которого ускорились и на определенном этапе превысили скорость Ахиллеса.

Специфика технологий проявляется в том, что они «являются строго определенными последовательностями операций, каждая из которых приводит — всегда и везде — к запланированному результату, и, чтобы этот запланированный результат достигался при любых условиях и в любом контексте, сами операции доводят до максимального уровня упрощения. Это упрощение есть основное требование технологичности» (Мелик-Гайказян, 2015: 19). Следствием упрощенного подхода к преобразованию реальности становится упрощенный подход к моральным требованиям. Этика тоже становится технологичной и сводится к соблюдению утвержденных формальных процедур. Рефлексия как символ морального прогресса оказывается тормозом для прогресса технологического.

Принятие быстрых этических решений в свете технологического развития зачастую носит насильственный характер. Как правило, здесь действует неотрефлексируемый аргумент «сопротивление бесполезно». В соответствии с ним «попытки ограничить доступ к усовершенствованию будут безуспешными, потому что люди все равно будут преследовать их» (Murphy, 2009: 500). Технологический прогресс рассматривается как историческая неизбежность, радикально трансформирующая антропологические константы. Справиться с порождаемыми им социальными эффектами человечество не в силах, поскольку придется радикально менять весь аксиологический фундамент современной цивилизации.

Аргументы за использование технологий улучшения человека связаны с апологией здравого смысла, который требует устранения страданий, болезней, смерти, рассматривая эти феномены как источники онтологической несправедливости. Это аргументы «*grima facie*», отражающие естественную человеческую реакцию на неудовлетворительное по отношению к человеку положение вещей.

Улучшение человека в этом контексте рассуждений обретает свою моральную легитимность.

Современное массовое увлечение трансгуманистическими идеями есть во многом результат апелляции к чувству толпы, к экзистенциальным проблемам (страданиям, болезням, умиранию и смерти), возникающим перед любым человеком. Обычный человек задумывается не столько об этическом способе решения этих проблем, сколько об использовании любых средств для их преодоления, возможности быть причастным к совершающемуся здесь и сейчас технологическому «чуду» (преодолению смерти, всеобщему оздоровлению и т. д.). Например, если рассматривать содержание российского трансгуманистического проекта «Россия-2045», направленного на создание космической сверхцивилизации неолюдей на базе интенсивного развития NBIC (нано-био-инфо-когно) и GNR (генетик-нано-роботикс) технологий (неочеловечества), авторы апеллируют к значимым для большинства людей ценностям: здоровью, увеличению продолжительности жизни, духовному росту, преодолению страданий и смерти (Идеология/Россия-2045: Электронный ресурс). Более того, авторы проекта паразитируют на привлекательной для многих идее приоритета духовного над материальным, что они нечто большее, чем просто тело. С целью духовного развития предлагается увеличение продолжительности жизни, поскольку за короткий срок жизни человек не успевает прийти к ценностям. Телеологическая компонента данного трансгуманистического проекта также обращена к широко распространенным ло-

зунгам об обеспечении прорыва в сфере технологий, обозначении нового вектора развития всему человечеству и т. д. Можно также отметить, что и для трансгуманизма важна «этика в режиме цейтнота», поскольку создание неолоудей понимается в качестве спасения в перспективе от неизбежной глобальной катастрофы, которая уничтожит несовершенное человечество.

Аргументы *prima facie* вскрывают парадоксальное сочетание нерелексивного реагирования масс на избитые сюжеты, рекламирующие утопическое светлое будущее, и чрезвычайно сложных или абсолютно невозможных технологических траекторий для его достижения.

В то же время реклама технологических инноваций даже в случае появления их лишь в отдаленном будущем или вообще невозможности их создания оказывается чрезвычайно важна для формирования социального интереса к развитию технологий в целом.

МОРАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

Дискуссии, ведущиеся относительно проблематики усовершенствования человека, всегда концентрируются на вопросе о том, что представляет собою природа человека, каков ее онтологический статус. В зависимости от призмы рассмотрения будут обеспечиваться легитимность биотехнологических практик улучшения человека или накладываться ограничения на их развитие.

В свете исследуемой проблемы целесообразно обратиться к основным трактовкам человеческой природы, используемым апологетами биотехнологического улучшения человека и их оппонентами. В соответствии с доминирующей в технократическом сообществе трактовкой человеческая природа представляет собой либо инструмент, либо рассматривается как сырье, не имеющее никакого морального значения (ценности). При этом для сторонников инструменталистского подхода к пониманию природы (природы человека в том числе) не принципиален сам способ ее модификации. Использование хирургических средств, лекарственных медицинских препаратов или вторжение в генетический аппарат, направленное на улучшение наших качеств, рассматриваются как явления однопорядковые. Ее пластичность творит чудеса (Murray, 2009).

Т. Мюррей называет такой взгляд на природу романтико-прометеевским. Он позволяет покорять природу, исходя из потребностей человека и не считаясь с законами и ценностью самой природы. Романтико-прометеевская позиция зачастую сопровождается нравственным посылом, в основании которого лежит исходная неудовлетворенность человека самим собой и своей природой. Вот, например, ряд популярных тезисов, которые приводит А. Музур (А. Muzur), способствующих легитимизации морального усовершенствования человека:

1. Что-то пошло не так с нашим поведением, и мы не удовлетворены больше тем, что природа оставила нам.

2. Мы не считаем, что «естественное» является единственно «нормальным», но мы думаем, что мы можем воссоздать понятие нормы и пересмотреть ее.

3. Мы полагаем, что мы знаем, что будет лучшим для людей и как достичь этого устойчивым путем, а не в (жизненном) опыте (Muzur, 2016: 91).

Отправным пунктом всех приведенных высказываний является осознание отсутствия нашей вины в дефиците эмпатии и в эгоистических побуждениях, характерных для человеческого рода (там же).

Такого рода мнения имеют богатые историко-философские предпосылки. Вспомним, например, о понимании А. Геленем человека как «недостаточного» животного (Гелен, 1988). Его негативистская модель объяснения человека восходит к Ницше и Гердеру, к представлениям о человеке как «ущербном» существе (в частности по той причине, что человек в отличие от других животных обделен полноценными «инстинктами»).

Подобному пониманию человеческой природы противостоит трактовка природы в качестве реальности, с которой необходимо считаться, а также нормативного руководства (Murray, 2009). В этом контексте рассуждений природа воспринимается как данность, обладающая ценностью и заслуживающая уважения, способная «служить положительным путеводителем для выбора того, что изменять и что оставить в покое» (там же: 503). Собственно, осознание человеческой слабости и «недостаточности» дает силы для преобразования собственной природы, и в том числе морального преобразования. Оно исходит из глубин человеческого существа. Об этом писал А. Гелен, указывая на прецедент создания социальных институтов и человеческих связей и отношений (Гелен, 1988). Они свидетельствуют как о слабости человеческого существа, нуждающегося в их поддержке, так и о силе его природы, способной выстроить такую нехарактерную для природного мира систему защиты.

В то же время не всякая данность природы несет в себе ценность, в противном случае человечество не защищалось бы вакцинацией от эпидемий, не старалось лечить многочисленные заболевания и т. д. В этой связи гораздо ближе человеку природа как «среда для возможностей человеческого процветания» (Murray, 2009: 505). «Наша природа устанавливает контуры, внутри которых люди процветают или барахтаются. Однако в контексте их биологически данной природы, люди создают отношения, практики и институты, которые определяют структуру их взаимодействия и смысл их стремлений» (там же: 505).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный анализ проблем биотехнологического улучшения и морального усовершенствования показал существенное отличие общих характеристик феноменов. Если моральное совершенствование человека основывается на внутренней потребности субъекта в бесконечном процессе нравственного самопреобразования и осуществляется его внутренними усилиями, то биотехнологическое улучшение реализуется в системе внешних координат и невозможно без использования физически представимых средств улучшения (когнитивных усилителей, генетического допинга, электростимуляции мозга и т. д.).

Биотехнологическое улучшение основано на стандартизации, воспроизводимости методов и результатов, в то время как моральное совершенствование всегда уникально, персонализировано, обращено к целостной личности, а не к физическим параметрам ее тела.

Было также обращено внимание на то, что в основе аргументации апологетов биотехнологического улучшения человека и их оппонентов лежат базовые мировоззренческие предпосылки, связанные с диаметрально противоположными подходами к пониманию человеческой природы. В зависимости от того, рассматривается ли она в качестве сырья (что характерно для технократов) или реальности, обладающей ценностью и являющейся нормативным руководством для осуществления тех или иных манипуляций над человеком, будет обеспечиваться легитимность био-

технологических практик улучшения человека или накладываться ограничения на их развитие.

Прецеденты борьбы за легитимизацию тех или иных практик биотехнологического улучшения человека свидетельствует о попытках решения проблемы человека и его «недостаточности» сугубо технологическим путем, подразумевающим стандартизацию и упрощение многообразия человеческой личности, формирование определенных человеческих типажей по заданным технологическим параметрам, односторонне «улучшающим» его в определенном направлении.

Применение биотехнологий, пишет П. Д. Тищенко, подразумевает работу со сложным «характером» живого материала, с невозможностью точного предсказания рисков, обусловленных его поведением: «...изготовление следует понимать как ограниченный в своей контролируемости процесс. Когда ученый сообщает общественности о том, что он «вырезает ген» из генома одного организма и «встраивает» его в геном другого для получения желанного эффекта, то за метафорами механического манипулирования прячутся сложные биологические процессы инфицирования, размножения клеток, отбора материала, обладающего нужными свойствами и т. д. и т. п. Биоинженер — это не ремесленник, а скорее крестьянин, «вирусовод» и селекционер полезных ошибок природы (мутаций)» (Тищенко, 2011: 128). Сущность биотехнологических процессов состоит в их непредсказуемом «поведении», проявлении таких свойств, которые традиционно закреплялись за действующим лицом (субъектом). П. Д. Тищенко, опираясь на идеи немецкого философа Г. Йонаса, отмечает: «Если в работе с материалом неживой природы изготовитель является единственным агентом (субъектом), то в работе с материалом живым (в модифицировании) модификатор является ко-агентом, работающим с другим активным субъектом (живым телом). Действие из конструирования приобретает вид интервенции в процессы, которые имеют собственную, независимую от деятеля активность» (там же). В этой связи достаточно сложно предсказать поведение многих биотехнологических артефактов, последствия их появления на свет. Инструментализация человеческого тела с помощью технических приборов и использования биотехнологий смещает процесс конституирования субъективности в область конструирования его телесности средствами биотехнологий. Современный человек поставлен перед проблемой невозможности абсолютной идентификации человека. Его тождество обретается на границе с миром искусственных объектов. Существенно также не упускать из виду, что моральные и интеллектуальные качества того, кого собираются технологически улучшить, вряд ли могут быть существенно выше тех качеств, которыми обладают люди, претендующие на роль «инженеров» улучшенной человеческой природы.

Человек оказывается вписан в осуществляющийся на наших глазах глобальный проект технической воспроизводимости человека и желательных антропологических характеристик.

Проблема человека в эпоху технической воспроизводимости — это прежде всего проблема поиска «золотого сечения» между природой и артефактом. В эпоху технической воспроизводимости человека заменяют и расширяют искусственными носителями. Новый виток его пути в движении к себе — в его техническом расширении и технологической экспансии. Воспроизводя себя как артефакт, человек отчуждает себя от своей смертной уязвимой сущности. Человек в эпоху технической воспроизводимости, рассматриваемый в его искусственном аспекте, оказывается онтологически скрыт для самого себя, как ранее скрывали от профанов предметы религиозного

культу, открывая к ним доступ лишь хранителям истины. В современную эпоху хранителем человеческой, но столь же «машинной» истины становится ученый. Он конституирует знание о человеке таким образом, что его сущность оказывается неизменно «задрапированной» техническим контекстом эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергсон, А. (1994) Два источника религии и морали / пер. с фр. М. : Канон. 382 с.
- Гелен, А. (1988) О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии / отв. ред. П. С. Гуревич. М. : Прогресс. 552 с. С. 152–200.
- Идеология/Россия-2045 [Электронный ресурс] // Россия 2045. URL: <http://www.2045.ru/ideology/> (дата обращения: 05.09.2016).
- Ильин, И. А. (1994) Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб. : Наука. 541 с.
- Исигуро, К. Не отпускай меня : пер. с англ. М. : Эксмо, 2006. 352 с.
- Мелик-Гайказян, И. В. (2015) Символизм технологий «конструирования человека» // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 224 с. С. 15–35.
- Татаркевич В. (1981) О счастье и совершенстве человека / пер. с польск. М. : Прогресс. 367 с.
- Попова, О. В. (2014) Проблемы смерти мозга и донорства органов: мифы и предубеждения в социокультурном контексте // Аспирантский вестник Поволжья. № 3–4. С. 164–166.
- Прокофьев, А. В. (2006) Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Великий Новгород : Новгородский межрегиональный ин-т общественных наук. 283 с.
- Тищенко, П. Д. (2011) Человечество: фортуна, риск и игра (опыт эсхатологии) // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Ф. Г. Майленова. М. : ИФРАН. 252 с. С. 108–149.
- Проекты стратегического общественного движения «Россия 2045» [Электронный ресурс] // Россия 2045. URL: <http://www.2045.ru/project/bodyb> (дата обращения: 24.09.2016).
- Энцлер, Ив. (2007) Отличное тело : пер. с англ. М. : Гаятри. 96 с.
- Юдин, Б. Г. (2006) Место антропологических проблем в биоэтике // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 1: Биоэтика: антропологические проблемы: сб. науч. статей / под ред. Б. Г. Юдина. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 32 с. С. 3–4.
- Intimate technology: The battle for our body and behavior (2014) / van Est, R.; Rerimassie, V.; van Keulen, I.; Dorren, G. The Hague : Rathenau Instituut. 86 p.
- Murray, Th. H. (2009) Enhancement // The Oxford Handbook of Bioethics / Ed. by B. Steinbock. New York : Oxford University Press. P. 491–515. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199562411.003.0022
- Muzur, A. (2016) Book review. Harris Wiseman. The Myth of the Moral Brain: The Limits of Moral Enhancement [Электронный ресурс] // European Journal of Bioethics. Vol. 7/1. №13. P. 91–92. URL: <http://jahr-bioethics-journal.com/index.php/JAHR/article/view/299/340> (дата обращения: 12.09.2016).

Дата поступления: 05.09.2016 г.

MORAL PERFECTION AND BIOTECHNOLOGICAL ENHANCEMENT

O. V. POPOVA

(INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

The article presents a comparative analysis of the phenomena of moral perfection and biotechnological improvement. The current historical situation is characterized by conspicuous advances in

biotechnological development. In addition to achieving traditional goals in medicine, industry and agriculture, biotechnologies increasingly often act as a factor of transforming human nature, permeating the very intimate mechanisms of human life. A simultaneous process is that of technological enhancement of man, providing us with an opportunity not only to correct nature's mistakes (therapy in case of illness), but also to enhance man's intellectual and physical abilities and, as some suggest, moral qualities.

The article shows there is a significant difference between moral perfection and biotechnological enhancement. If the former is based on the endless internal quest for moral self-transformation, driven by the internal power of a human being, the latter has extraneous points of reference and is impossible without the use of tangible instruments (cognitive enhancers, gene doping, electrical stimulation of the brain etc.). Each of these two methods of human transformation stems from a set of assumptions about human nature which are in direct opposition to those behind the other method. Depending on whether human nature is regarded as a raw material (as technocrats believe) or as a reality of its own value which controls various manipulations over men, the legitimacy of human enhancement practices will be either confirmed or limited.

Keywords: biotechnological enhancement, perfectionism; moral perfection; human perfection; biotechnology; problems of ethics

REFERENCES

- Bergson, H. (1994) *Dva istochnika religii i morali*. Moscow, Kanon. 382 p. (In Russ.)
- Gehlen, A. O sistematike antropologii. In: *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii*. Moscow, Progress, 1988. 552 p. pp. 152–200. (In Russ.)
- Il'in I.A. (1994) *Filosofia Gegelia kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka*. St. Petersburg, Nauka, 1994. 541 p. (In Russ.)
- Ideologiya. Rossiya-2045*. [online] Available at: <http://www.2045.ru/ideology> (access date 24.10.2016) (In Russ.)
- Ishiguro, K. (2006) *Ne otpuskai menia*. Moscow, EKSMO. 352 p. (In Russ.)
- Melik-Gaikazian I.V. (2015) Simvolizm tekhnologii «konstruirovaniia cheloveka». *Rabochie tetradi po bioetike*. Vol. 22, ed by. P.D. Tishchenko. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 224 p. Pp. 15–35. (In Russ.)
- Tatarkiewicz V. (1981) *O schasti'e i sovershenstve cheloveka*. Moscow, Progress. 367p. (In Russ.)
- Popova O.V. (2014) Problemy smerti mozga i donorstva organov: mify i predubezhdeniia v sotsiokul'turnom kontekste. *Aspirantskii vestnik Povolzh'ia*. no. 3-4, pp. 164–166. (In Russ.)
- Prokof'ev A.V. (2006) *Moral' individual'nogo sovershenstvovaniia i obshchestvennaia moral': issledovanie neodnorodnosti nraustvennykh fenomenov*. Velikii Novgorod, Novgorodskii Mezhhregional'nyi Institut Obshchestvennykh Nauk. 283 p. (In Russ.)
- Tishchenko P.D. Chelovechestvo: fortuna, risk i igra (opyt eskhatologii) In: *Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza*. Vol. 5, ed. by F.G. Maylenova. Moscow, IFRAN, 2011. Pp.108–149. (In Russ.)
- Proekty strategicheskogo obshchestvennogo dvizheniia 'Rossiia 2045' [online] Available at: <http://www.2045.ru/project/bodyb> (access date: 24.09.2016). (In Russ.)
- Entzler, I. (2007) *Otlichnoie telo*. Moscow, Gayatri. 96 p. (In Russ.)
- Yudin B.G. (2007) Mesto antropologicheskikh problem v bioetike. *Rabochiye tetradi po bioetike*. Vol. 1, ed.by B.G. Yudin. Moscow, Izdatel'stvo moskovskogo gumanitarnogo universiteta 2006. 32 p. Pp.3–4. (In Russ.)
- Intimate technology: The battle for our body and behavior (2014), ed.by van Est, R.; Rerimassie, V.; van Keulen, I.; Dorren, G. The Hague : Rathenau Instituut. 86 p.
- Murray, Th. H. (2009) Enhancement. In: *The Oxford Handbook of Bioethics*, ed. by B. Steinbock. New York : Oxford University Press. Pp. 491–515. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199562411.003.0022
- Muzur, A. (2016) Book review. Harris Wiseman. The Myth of the Moral Brain: The Limits of Moral Enhancement [online] *European Journal of Bioethics*. Vol. 7/1. №13. P. 91–92.

Available at: <http://jahr-bioethics-journal.com/index.php/JAHR/article/view/299/340> (access date: 12.09.2016).

Submission date: 05.09.2016.

Попова Ольга Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д.12, стр.1. Тел.: +7 (495) 697-90-67. Эл. адрес: J-9101980@yandex.ru

Popova Olga Vladimirovna, Candidate of Philosophy, Senior researcher, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 12 Bldg.1, Goncharnaya St., Moscow 109240, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 697-90-67. E-mail: J-9101980@yandex.ru